

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Никакая физическая или моральная ущербность, никакое несчастье, даже если оно свидетельствует о порочности, не должно отпугивать того, кто посвятил себя науке о человеке, и священное служение медицине, обязывающее его видеть все, разрешает ему ничего не утаивать.

А. Тардье

Г. И. Сергацкий

ИЗНАНКА ЛЮБВИ,

или

Опыт трепанации греха в толковании авторитетов

В чем повинен перед людьми половой акт – столь естественный, столь насущный и столь оправданный, что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной беседе?

М. Монтень¹

Любовь является высказыванием самой глубокой, самой сокровенной правды о человеке, поэтому взаимное влечение мужчины и женщины, супружеский акт – не есть явление чисто биологическое, ибо оно затрагивает саму суть человеческого существования.

Иоанн Павел II

Издеваться над любовью – значит поистине понять ее.

Парафраз афоризма Паскаля
в отношении философии.

- Ты считаешь меня многоученым? – спросил как-то Конфуций у ученика.

- А разве нет? – ответил тот.

- Нет, сказал Конфуций, – я лишь связываю все воедино.

Конфуций

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любовь. Так много в этом слове! Мы говорим «люблю», когда хотим выразить своё отношение к стране, где родились, к работе, которую избрали и делаем, к друзьям и близким, с которыми нам хорошо и спокойно. Мы говорим «люблю» и о местах, где хочется бывать, и о вкусной еде, и о произведениях искусства. И всё же есть в этом слове какой-то первичный, базовый смысл, запечатлевший особого рода отношения мужчины и женщины. Приходится уточнить: речь пойдёт о «половой любви», о «сексуальном», о той стороне жизни мужчины и женщины, которая, хотя и есть во все времена, сколько живёт человечество, вряд ли когда ещё была предметом столь интенсивного познания, как в наше время.

Кажется, мы уже итак знаем о ней всё. Что можно сказать нового? Уж сколько исписано писателями, воспето поэтами, пропето певцами, воплощено скульпторами в камне и в бронзе, запечатлено в живописных полотнах, а теперь вот и на глянцевых фотографиях и в видеофильмах с высоким качеством разрешения.

Любовь во все времена, как мираж в пустыне, манит жаждущих путников, подобно пению сказочных русалок влечёт путешественников по океану жизни. И любой из нас живущих познал или снова и снова познаёт это волнительное состояние души. И каждый несёт в себе свой уникальный опыт этого переживания, и такое простое и расхожее понятие – «любовь» всегда имеет собственные смысл и значение для каждого. И от того так трудно подступиться к очевидному, так трудно высказать этот чрезвычайный опыт! Ощущение недомолвленности, невысказанности, неприступности любовного переживания словам отзывается неясным томлением в душе влюблённого и жаждущего любви. Такой вот неременный и загадочный атрибут человеческой жизни. Для одних, любовь человеческая – «плотский грех», для других – источник вдохновения, она же – маховик и движущая сила человеческих поступков, и основной инстинкт. Любовь – это и импульс для «души прекрасного порыва», это и кратчайший путь к наслаждению, это – и счастье, и неизбежное зло, и предмет любознательного изучения, и цель творческих исканий.

О любви скромно размышляли древние, её воспевали в тёмные времена, её пытливо изучали в Новое время. Любовь всегда была «непознанным», тем самым пробным камнем для литературных, философских и научных изысканий. Кто и как только в письменной истории человечества не высказался по этому очевидному и неизбежному факту человеческого существования. Кто, потрясённый, пропел свою «Песнь Песней», кто, испугавшись и негодуя, увидел в ней смертный грех и заклеил любовь, другие, отринув метафизику, взялись пролить свет истины на суть этого непостижимого в своей полноте влечения одного человеческого существа к другому. Ведь понять – значит совладать, победить, преодолеть, избавиться от этой напасти и жить иначе, по-другому

как-то.... Люди 20-го столетия особенно усердствуют в этом своём желании. Воодушевлённые иллюзией, будто бы наука даст, наконец, ответы на все вопросы жизни и сделает её понятными человеческую суть и существование, естествоиспытатели бодро двинулись на этот укрытый бастион. О любви мужчины и женщины, о той любви, которая была доселе лишь предметом возвышенного, заговорили хором. Врачи и философы, антропологи и социологи, математики и химики, физики и биологи поспешили высказать свои собственные суждения на её счёт.

Сейчас покажется нелепым, но каких-то 150 лет назад выдающийся немецкий психиатр Рихард фон Крафт-Эббинг поплатился кафедрой за свою врачебную честность. Его смелая попытка описать и систематизировать разнообразие открывшихся ему форм сексуального поведения людей тогдашним обществом была воспринята как непристойность. Он покусился на запретное. Позже, в конце того же века гениальный Отто Вейнингер, проделав титаническую работу для исследования «мужского» и «женского», создал свой бессмертный труд – «Пол и характер» и заложил тем самым фундамент научной сексологии. И уже почти в то же время венский невролог Зигмунд Фрейд без тени смущения эпатировал публику волнующими рассуждениями о сексуальности ребёнка и своего рода художественными интерпретациями разнообразных психических состояний, в основе которых он упрямо чувствовал неудовлетворённость сексуального желания. Его сподвижник Вильгельм Райх заявил без околичностей о «Функции оргазма», и дальше пошло и поехало. Любовь приобрела новое измерение: человеческая сексуальность ворвалась в культуру, как джин из распечатанного кувшина. О ней стали думать и говорить, говорить и думать, посредством неё стали объяснять то, что доселе не объяснялось. Сексуальность, сексуальное поведение уже вне связи с «Душой», а как самостоятельные сущности стали предметом философских дискуссий, новых художественных исканий, предметом научных исследований. И даже стыдливые представительницы «слабого пола» поспешили внести свою лепту в это познание сложного (С. де Бовуар, К. Хорни). В середине прошлого столетия любознательные естествоиспытатели У. Мастерс и В. Джонсон скрупулёзно, с использованием хитроумных приборчиков исследовали вдоль и поперёк всю «психофизиологию» человеческой любви и написали большую книгу «про это». Казалось бы, тайн больше нет, и нас теперь ничем не удивить. О «сексе» знают уже и взрослые и дети, дискурс сексуальности плотно пропитал наш язык и культуру. Мы постигли «Таинственное либидо» (Ю.И. Новоженев), нам известны функции оргазма (В. Райх) и издержки мастурбации (М.В. Екимов), роль сексуальности в цивилизации (Г. Маркузе) и в познании (М. Фуко). Мы уже смело рассуждаем о «бисексуальной революции» (Л.В. Жаров) и сочувственно относимся к «людям лунного света» (В.В. Розанов, И.С. Кон). И даже в сказках для детей стали с лёгкостью усматривать аллюзии сексуального: «входит и выходит» (В.Руднев). И будто бы стало как-то спокойнее: рыцари уже не воспевают

од своим прекрасным дамам, дамы, правда, пока ещё призывно поют кандидатам на роль рыцарей, но и это уже, истончается и, похоже, скоро отпустит. Но стало как-то скучно, как-то понятно всё, «сексуальная революция свершилась, товарищи!». Исчезла тайна, любовь прочно вписана в перечень физиологических потребностей человеческого организма («займёмся любовью»), ну а для удовлетворения оных уже ничто не препятствует современнику. Казалось бы, можно успокоиться и списать проблему в бюро находок.

Однако по-прежнему «люди встречаются, люди влюбляются, женятся». И всё так же, как и всегда раньше, для одних это становится ярким праздником жизни, для других – тягостным страданием, для третьих – любопытным экспериментом. И всё так же благодаря любви на свет рождаются дети, хоть рядом и кипит работа по экстракорпоральному оплодотворению и конструированию потомства. И всё те же сюжеты вдохновляют поэтов-песенников, сценаристов телесериалов, театральных режиссёров и хореографов. И пока так будет, жизнь человека, несмотря на все мнимые и реальные прогрессы остаётся человеческой, вот с этим врожденным изъяном, с «проклятой проблемой», имя которой - любовь.

Ну а если всерьёз. Так ли уж в действительности мы продвинулись на пути познания любви? Объяснение – штука, конечно, полезная, когда я тревожусь от того, что знаю, что ничего не знаю. Но уж больно умозрительно, зыбко, уязвимо для критики и непрочно во времени любое объяснение. Можно объяснять происхождение Вселенной большим взрывом, как это делают физики-космологи, а можно ведь и Творением, как об этом давно уже сказано в Писании. Тайна остаётся тайной, а объяснения, подобно транквилизаторам, сменяют одно другое.

Пол, мужское, женское, секс, сексуальность, сексуальные отношения, теперь ещё вот и гендер и гендерные отношения. Не так уж много слов даже и для скромных объяснений. Да и что там, за этими словами? Другие слова, и так бесконечно. Вот, например, попробуйте определить, что отличает мужчину от женщины? Не в анатомическом, конечно, аспекте, по сути! Что влечёт их друг к другу? Почему влечение это – всегда сражение? Почему половое влечение и его неизбежная цель так тщательно укрывались во всю новую историю человечества (П. Киньяр: «Секс и страх»)? А какова роль этих отношений в эволюции человека (Бородай Ю.М.: «Эротика, смерть, табу»)? Да и что мы вообще можем сказать об отношениях любви? У нас ведь и слов особых для этого нет. Вот древние греки, говорят, различали семь, как минимум, форм любви. А мы в своём великом и могучем много ли найдём достойных слов для описания интимных отношений мужчины и женщины? То-то. И не случайно, например, М. Эпштейн, озаботившись этим недоразумением – скудостью тезауруса любви, решил создавать специальный словарь. Так что, приходится смириться с тем, что избытие текстов ещё не знание, а если и знание, то как его выверить на истинность? Но пусть, не знание, пусть хотя бы описание «феномена», артикуляция

опыта. Так ведь и опыт любви у каждого свой, и как втиснуть его в немногословие?! Но не скончаются попытки объяснить, понять и овладеть.

Кажется, уже невозможно даже просто обобщить все возможные суждения по поводу человеческой любви, не помышляя уже о том, чтобы систематизировать существующие представления и вынести суждение с претензией на истину.

Но вот передо мной преинтереснейшая книга Георгия Ивановича Сергацкого. У неё чёткое и ясное заглавие: «Изнанка любви», и речь в ней, не трудно догадаться, идёт о той самой потаённой, изнаночной стороне опыта, который привычно видится нам и желанным и прекрасным. Да и подзаголовок книги: «Опыт трепанации греха в толковании авторитетов» говорит за себя. Автор как бы приглашает читателя в «анатомический театр», в секционный зал, к патологоанатомическому столу, проще говоря – на вскрытие прекрасного, ставшего объектом восхищения и поклонения многих, знавших его. Что и говорить, зрелище не для слабонервных. Да и способ использован причудливый! Г.И. Сергацкий скрупулёзно и систематически отсылает нас к суждениям прошлых и нынешних авторитетов, будто приглашая их высказаться, а нас задуматься и продолжить, вступить в диалог. Нет, это не антология и не компиляция высказываний «авторитетных умов». За потоком цитат при внимательном и возвратном чтении постепенно проступает собственная логика автора, его личное понимание проблемы, его озарения, для которых суждения писавших и говоривших до него – лишь свидетельские показания. Будто бы сам он, хоть и не хочет участвовать в этом анатомическом исследовании, фартука не надевает и к секционным ножам не прикасается, со вниманием энциклопедиста вникает он в протоколы этих показаний именитых предшественников, засвидетельствовавших своё видение этого сложного предмета: человеческой любви. Из этих тщательно систематизированных протоколов как бы сами собой и проступают описание, анализ этиологии и патогенеза главной болезни человечества, неминуемо поражающей каждого живущего. Последовательно цитируя одного корифея за другим, он шаг за шагом, от главы к главе препарирует любовь, добираясь до самой её потаённой - неприглядной стороны, той, которую стыдливо прячут от сторонних глаз, но роль которой становится всё очевиднее во всём многообразии душевных явлений, называемом любовью. Патолого-анатомическое вскрытие, известно, имеет определяющее значение для того, чтобы лучше познать изменения органов и функций тела, явленные в симптомах болезни прижизненно. Это затем, чтобы врачу лучше уяснить суть заболевания и совершенствовать себя в распознавании и лечении недуга. И, двигаясь в этом направлении, автор достигает цели.

Тщательно систематизировал он всё, что касается причин, механизмов и симптомов этого заболевания. И предстаёт перед взором такая картина – клиническая картина хронического недуга. Непорочная Душа человеческая, стеснённая в теле и пленённая демоном плоти Эросом, не может реализовать свою сущностную способность воспарить. От этого

Душа страдает и переживает мучительный Стыд. Но Стыд является и побуждением к очищению, благу, коли сможет Душа человека вырваться из этого порочного круга, где влечение, гнев, стыд сменяют друг друга в монотонной пляске. Должно смириться человеку с тотальным своим одиночеством. Лишь поняв иллюзорность и тщету слияния с другим, смирившись с одиночеством, сможет он сдвинуться туда, где и надлежит быть ему, туда, где Истина и Красота и иная уже, божественная Любовь. Всё равно Смерть – неизбежный спутник человека в его земной юдоли разорвёт этот круг. Но подлинность человека состояла бы в том, чтобы, приняв и взвалив на себя бремя неизбежного одиночества, самостоятельно и осознанно выступить из этого круга, обустроившись в царстве Духа, где уготовано ему место. Так, а может быть и не совсем так представляется «проклятая проблема» читающему. Тексты снабжены примечаниями автора – от философа, от пастыря, от учёного, и это открывает достаточно простора читателю, чтобы верить или не верить, принимать или не принимать, пробовать или не пробовать. И пусть не всегда призванные голоса вторят хором. При таком объёмном материале соблюсти чёткую поступательную системность изложения вряд ли вообще возможно.

И мне увиделось ещё, что книга Г.И. Сергацкого многослойна и несёт в себе множество смыслов, и каждый думающий может найти что-то своё и для себя. Меня, например, заинтриговал методологический аспект предьявленного способа думания. Задался я вопросом: можно ли, хоть как пристально вглядевшись в изнанку, увидеть полотно целиком? Можно ли по части судить о целом, а если можно, то где границы для умозрения, в чём допущения и каковы ограничения для выводов? В этом смысле любовь человеческая – безусловно, больше, нежели «сексуальное», совершенно особый опыт целостного переживания, где желание-чувство-мысль не различимы. Конечно, телесный аспект любви, хоть и укрывался стыдливо до поры до времени, явлен в этом опыте со всей своей очевидностью. Спасибо естествоиспытателям, мы знаем теперь всё о соитии. В этом ракурсе, где любовь – проникновение-трение тел и их частей, конечно, трудно усмотреть нечто поэтическое. Но ведь любовь и не сводится к такому взаимодействию. А как же нежная дружба, и искренняя привязанность, и преданность и много чего ещё, составляющего суть и смысл человеческих отношений? А человеческие отношения – это ли не сокровенное содержание нашей жизни, исключите из неё эти отношения, и что останется?! И не тот ли самый Эрос, повергающий Душу в стыд, по меткому замечанию Отто Вейнингера, питает светлыми чувствами дружбу, братство, справедливость в человеческих отношениях. Здесь мы со всего маху натыкаемся на проблему, ставшую неодолимым препятствием для всей современной философии и для науки. Проблему, которую и узреть то не просто. Интуитивно понимая, что всякий раз, говоря о феноменах жизни, мы пытаемся ухватить целостность, мы чувствуем, хотя и редко доверяем этому чувству, что средства нашего языка не приспособлены для такого схватывания. Мы принуждены членить и дробить целостность, чтобы

думать и высказаться о ней. Как поступаем мы с пищей, чтобы она могла быть усвоена. Но, членя и дробя, не уничтожаем ли мы саму суть явления? И, собирая потом из нарезанных мышлением кусков реальность, ту ли реальность мы воссоздаём? Ведь целое больше, чем сумма его частей (Платон), и «Мир ограничен возможностями языка» («Божественный» Людвиг Витгенштейн), и жизнь всегда больше, нежели мы можем помыслить или высказать о ней. Вот такая незадача. Нам всякий раз хочется добраться до сути, но суть целостна, а пробираемся мы к ней своим способом, шажками протаптывая тропинку, по которой, кажется нам, пробираемся к сути. Но пробравшись, видим лишь то, что видим, и судим о том, что стало доступно нашему видению с этого нашего укромного места, наивно полагая, что ухватили суть. Вот и любовь, увиденная нами с этого укромного места, представляется лишь непристойным. Возможно, так она и представлялась нашим недавним предкам, озабоченным томлением духа и стремлением к совершенству, к тому идеалу человеческого, которое задано было всей историей Духовного. Возможно, так она представляется и сейчас людям пожившим, пережившим все перипетии трудного движения навстречу друг другу столь сложных и непонятных вещей, как человек-мужчина и человек-женщина.

Но всё ли этим вычерпано в любви? А если двинуться «сверху»? Что если напротив, Душа третирует тело своим неукротимым эротизмом? А вдруг и Эрос не часть одухотворённого тела, но является лишь там и тогда, где и когда назначенные друг другу судьбой и промыслом люди встречаются? А проблема половой любви, как неперемного условия деторождения, не отсылает ли нас к проблеме смысла жизни человеческого, ведь сказано было: «Плодитесь и размножайтесь»?

А что думает о любви нынешнее племя молодое? Как они, захотев, скажут о ней? И не мы ли ввели их в заблуждение своими изысканиями? Зачем им любовь? Пока нам доступны лишь опросы социологов, которые, конечно, не знание, лишь вешки для познания. Но и они свидетельствуют о том, что в новом мире происходят существенные подвижки и в отношениях полов, и Эрос нашёл себе множество новых путей: «то, что было пороками, стало нравами» (С.И. Голод), перестав быть основанием любви, семьи и брака. А сколько всего ещё произойдёт?!

Но станет ли мир лучше и чище, если любовь человеческая, пусть и движимая таким незатейливым механизмом, канет в Лету. И появятся ли новые творцы вечного среди удовлетворённых сполна всезнающих, не знающих любви? Но главное! Останется ли интересен человеку человек, если в результате чуда или научно-технического прогресса Эрос почит в Бозе? И не явятся ли на смену человечеству человеки, узнающие друг друга лишь посредством проводов, к которым подключены их мониторы. Не будет ли скучна и отвратительна эта обезжизненная жизнь? Дальше пусть уже читатель разворачивает в себе свои размышления.

Я же благодарен Георгию Ивановичу за побуждение меня думать сейчас и в этом направлении, и другим рекомендую внимательно читать и перечитывать представляемую книгу.

Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена

Алехин А.Н.

Санкт-Петербург, март-апрель 2014 г.

ПРИГЛАШЕНИЕ, или Совокупление как интрига²

Лучший способ сделать успешный проект – задать себе вопрос, на который не знаешь ответа.

Ф. Коппола

Если бы кто-то приподнял завесу над загадкой того, что сегодня называют «щель» или «дыра», если б кто-то объяснил хотя бы частично ту тайну, которая окружает явление, именуемое «непристойным», мир перестал бы существовать. Этот непристойный страх, сухой, раздолбанный взгляд на вещи и придает нашей сумасшедшей цивилизации форму кратера. Этот кратер и есть та великая зияющая пропасть небытия, которую титаны духа и матери человечества носят между ногами. Человек, чей дух жаден и ненасытен, человек, заставляющий визжать всех этих подопытных кроликов, хорошо знает, что ему делать с энергией, таящейся в половом влечении; он знает, что под панцирем безразличия всегда можно найти безобразную глубокую незаживающую рану. И он знает, как вонзиться в нее, как уязвить самые сокровенные ее глубины. Ему не нужны резиновые перчатки. Он знает, что все, подвластное интеллекту, – лишь оболочка, и потому, отбросив ее, он идет прямо к этой открытой ране, к этому гниющему непристойному страху. И даже если от этого совокупления родится только кровь и гной, все равно в нем есть живое дыхание жизни. Сухой, раздолбанный кратер, может быть, и непристоен. Но бездействие еще непристойнее. Паралич – богохульство более страшное, чем самое ужасное ругательство. И если в мире ничего не останется, кроме этой открытой раны, мир будет жить, потому что она не бесплодна, хотя и родит только жаб, летучих мышей и ублюдков.

Г. Миллер

Возлюби ближнего своего? Нет, спасибо!.

С. Жижек

«Все, что должно оставаться в тайне и неизвестности и стало явным, известно как жуткое» (Ф. Шеллинг). «Природа насмешки ради оставила нам любовь, это самое шалое и самое пошлое из наших занятий, дабы таким способом уравнивать глупого с мудрым и нас с животными» (М. Монтень). «Он (секс) до сих пор остается порождающей энергией, силой, обеспечивающей продолжение рода, источником как самого большого удовольствия, так и самой глубокой тревоги для человеческих существ» (Р. Мей).

Замечено, что «в секунде оргазма сосредоточен весь мир» (Г. Миллер). «Маленькую смерть» дарит нам наша сексуальность, которая для одних – «великий бог» (Платон), для других – «оазис ужаса в пустыне скуки» (Ш. Бодлер). «Сексуальность – слишком сильное для человека чувство: оно сжигает нас, разоряет и опустошает, мы не в состоянии соответствовать его нечеловеческим требованиям» (П. Брюкнер). «...Как раз со сферой пола и связано в человеке и самое темное, и самое жуткое, но в то же время и самое светлое, и самое творческое в нем» (В. Зеньковский). «Укус любви» – момент враждебности и агрессии³, который, как правило, наступает во время оргазма, но может быть украшением и всего любовного процесса – имеет конструктивное психофизиологическое назначение, настолько же приятное (если не более) для женщины, насколько оно экспрессивно для мужчины» (Р. Мей). «Сексуальное наслаждение, бесспорно, есть высший предел ощущений, доставляющих удовольствие; фактически оно становится образцом, с которым сравниваются все другие виды наслаждений и по отношению к которому все они, по общему согласию, оказываются в лучшем случае лишь бледным отражением, а в худшем – слабой имитацией или подделкой» (З. Бауман).

«Секс лежит в основе жизни, и мы не сможем научиться ценить ее, пока не научимся понимать секс» (Г. Эллис). «Любовь дает на все ответ, но пока ты ждешь этого ответа, секс поднимает довольно интересные вопросы» (В. Аллен). «Сегодня никто не хочет видеть того, что эротизм – это безумный мир; мир, эфирные очертания которого лишь прикрывают адскую

глубину» (Ж. Батай). «Поэты – романтики, у которых Юнг черпал свое вдохновение, представляли психологических монстров⁴ в виде тени – той нашей части, куда не пробивается свет разума. Внутренние чудовища селятся в тени, поскольку их природа иррациональна» (Ж. Парис). «Эротика сегодня представляет собой тайну, которую вытащили на поверхность и опошлили, но так и не раскрыли» (С. Ключников).

«Что бы ни говорили о сексе, достойным занятием его не назовешь» (Х. Лоренсон). «Любовь – это совсем не то, что вы думаете» (Д. Уэст). «Любовь – чудовищное противоречие, неразрешимое для рассудка» (Г. Гегель). «...Любовь – это выдуманный мир. Самая большая ошибка человечества» (В. Токарева). «Любовь – смесь золота и грязи, двусмысленное волшебство. Устраните двусмысленность – пропадет и волшебство» (П. Брюкнер). «Люди правильно делают, что воспевают любовь, поскольку любовь-то прежде всего и нуждается, чтобы ее представляли не такой, какая она есть на самом деле» (П. Лагерквист).

«В жизни пола есть безжалостность по отношению к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого» (Н. Бердяев). «Жестокость и половое влечение связаны между собой самым тесным образом, но для объяснения этой связи не пошли дальше подчеркивания агрессивного момента либидо» (З. Фрейд). По Райху «утверждение о «возвышении над зверем» неверно в применении к сексуальной сфере: человек превосходит животное «животностью» (narod.ru).

«Сексуальность и агрессивность – два основных побудительных мотива человеческой жизни и межличностных отношений»⁵ (П. Куттер). «Кошунственный культ мирового совокупления», «садизм и сексуальное людоедство» (Д. Андреев), наряду с «потреблятьством – болезнью, угрожающей миру» (Д. Грааф), находятся на противоположном полюсе «действенного социального сострадания», а «праведность – высшая ступень нравственного развития человека» (Д. Андреев) – остается мечтой сверхнаивных. «Если метафизически любовь-страсть всегда

трансцендентна, то психологически каждая любовь, даже обычная, физическая, содержит в себе элемент разрушения, саморазрушения и страдания – «удовольствие» и «наслаждение» имеют изнанку, причем грубую» (Ю. Эвола). «Кто здесь может сказать где кончается любовь и начинается ненависть?» (В. Гитин).

Цель нашей работы – «осмысление корня зла» (Д. Андреев), ибо «причина разрушения кроется не в обществе. Червь находится в душе человека. Именно здесь его надо искать» (А. Камю). «...Доктрина грехопадения (правильно истолкованная) таит в себе ключ к пониманию зла в человеке...» (В. Зеньковский).

«Привлекательность познания была бы ничтожной, если бы не приходилось по пути к нему преодолевать столько стыда». «Стыд есть везде, где есть тайна» (Ф. Ницше). «Объяснение запретности плода следует искать не на человеческом, как показывает сложившаяся практика борьбы с аморальными проявлениями, а на сугубо естественном, попросту говоря, животном уровне». «Именно постель, как лакмусовая бумажка, проявит все качества, которые мужчина предпочитает скрывать при всех остальных жизненных обстоятельствах. Здесь обнажится суть... все обнажит постель: и тела и души» (В. Гитин).

«Сокровенные желания – ключ к душе» (Д. Клеменс). «Нет такой сферы деятельности, в которой характер человека проявлялся бы точнее, чем в половом акте» (Э. Фромм). «Здесь возможно проникновение в самую суть человеческой экзистенции» (Е. Шапинская). «Какая-то скользкая дорожка привела нас – за несколько веков – к тому, чтобы вопрос о том, что мы такое суть, адресовать сексу». «Сексуальность позволяет объяснить то, что не поддавалось объяснению иными путями». (М. Фуко). «...Способность эротизма служить миру зеркалом...» (Ж. Делез) предоставляет уникальную возможность вскрыть нарыв зла в человеческой природе. «Сходство между Фрейдом и Августином заключается в их

отношении к сексуальности как к некоему ключу, который может открыть истину о человеке и дать объяснение его внутренней жизни» (У. Хейстад).

«Когда больна душа, ум вряд ли останется незатронутым» (Э. Чоран). Только при наркотическом опьянении спермотоксикозом, слепом подчинении инстинкту и отсутствии элементарных нравственных ориентиров, диагностируемых совестью, «падение в бездну имитируется как взлет на небеса» (А. Зиновьев). «Только духовно слепой может восхвалять *любовь как таковую*, – принимая ее за высшее достижение, и осуждать всякое проявление враждебного отвращения» (И. Ильин). «...И если эта гипотеза, в конце концов, оказалась достаточно невероятной, то ее характер не дает основания для возражения против возможности того, что эта гипотеза все же в большей или меньшей степени приблизилась к трудно реконструируемой действительности» (З. Фрейд).

«Наша культура возвела в добродетель образ жизни экстравертов. Мы не поощряли путешествие во внутренний мир, поиски сути. Поэтому мы потеряли свою суть и должны обрести ее снова» (А. Нин). Глубокая интимность, робость и недосказанность «в попытках высечения новых смыслов» (Л. Юсипова) любви – свидетельство того, что мы вторгаемся в область постыдного, а «думающий постыдное должен прежде всего стыдиться самого себя» (Демокрит). «Нагое тело – срам? А нагота души? Кто вам ее простит?» (Ж. Кокто). «Труднее всего рассказать не о том, что преступно, а о том, что смешно и постыдно» (Ж.-Ж. Руссо). «Надо быть слишком влюбленным, чтобы писать без стыда о себе» (Ф. Достоевский). «Откровенно о сокровенном – это душевный стриптиз» (К. Кушнер). «Во времена всеобщей лжи говорить правду – это экстремизм» (Д. Оруэлл). «Скажи правду – и расшибешь об нее лоб» (венг.). «Сказать правду – все равно, что произвести революцию» (Ф. Дальто). Что лучше: «зажмуриться и написать» (А. Ширвиндт) или спрятаться за спины авторитетов, испытывающих такой же «отвергающий рефлекс» по отношению к половому акту? «Так совесть делает из нас трусов» (У. Шекспир).

«Если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему, вместо того чтобы рассуждать, имеет ли смысл это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла. Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае» (В. Пелевин). «Говорить о любви, значит всегда исходить из собственного внутреннего хаоса, копаться в мутных глубинах своей души, где низость и благородство перемешаны». «Чего не хватает большинству современных книг, так это ощущения торжественности (даже в описании мерзостей) и признания того факта, что область эротизма остается поразительной, захватывающей» (П. Брюкнер). «Даже не углубляясь в темные закоулки желаний, безусловной истиной можно считать то, что из них слагается значительная часть сексуального опыта многих людей» (С. Блэкберн).

Чтобы зачерпнуть «непосредственно из первоисточника зла» (А. Эйленбург), нужна определенная «интеллектуальная храбрость» (А. Кейзин). Ведь заглянуть в изнанку любви – это значит «прикоснуться к сумрачной тайне...самых постыдных наших чувств» (Ж.-П. Мартен). «Чего страшится человек, так это собственного либидо..., Это пытается уйти от требований своего либидо, и относится к этой внутренней угрозе, как если бы она была внешней» (З. Фрейд).

«Половая похоть по самой природе своей дает самое острое из наслаждений; будучи же воспитана в течении тысячелетий, как основная радость жизни, она разрастается, мне кажется, в особый психоз, который был не известен древнему человечеству и вероятно исчезнет в будущем».

«Вот в этой-то то обстановке половой любви и заключается тот обман, который изящная литература вносит в общее сознание. Тысячи плохих поэтов «воспевают» половую любовь крайне преувеличенно – как божественное чувство, как неземное блаженство, как светлое преображение жизни, ставящее ее выше разума, выше совести и всяких святынь души. Половое очарование описывается как одна невыразимая сладость, один неомрачаемый восторг. Незначительные поэты напрягают всю свою

посредственность, чтобы изобразить любовь в самых пленительных формах; тайные сладострастники, они рисуют соблазнительные, невероятные картины, которыми успевают раздражить и свое воображение, и тех читателей, кто не свободен от половой похоти, а кто свободен от нее совершенно. Только люди с большим вкусом или с большой совестью отвертываются от этой тонкой порнографии; масса же читателей бросается на нее с жадностью. Действуя в течении веков на неустойчивые мозги средних людей, любовный роман развращает половое чувство более, чем какое-нибудь другое влияние» (М. Меньшиков)⁷.

«До настоящего времени наука, обращаясь к теме любви, стремилась не прояснить истину, а наоборот, все запутать и увести мысль в сторону. Искусство, действуя рука об руку с наукой, преследовало те же самые цели. Поколения писателей и поэтов непомерно раздували в художественной литературе восторги перед любовью и внедряли в головы людей замысловатую идею, будто половая любовь и сексуальные влечения – принципиально разные вещи, будто любовь есть благородная страсть, основанная непонятно на чем, но никак уж не вытекающая из половой потребности, и тем не менее, облагораживающая и оправдывающая сексуальные влечения. В чем вполне преуспело» (Б. Шипов). «Мы и сейчас редко способны высказать то, чего нам хочется, если в дело замешано либидо (А. Секацкий).

«Человеческая логика не имеет ничего общего с темными законами подлинной жизни» (Ф. Мориак). «Среди бессознательных идей привилегированными, т. е. способными стать сознательными, являются те, которые прямо или косвенно наиболее глубоко воздействуют на наши чувства» (А. Пуанкаре). «Самые последние истины мышления нельзя вывести путем доказательств, их надо иметь в крови, ощущать нутром» (А. Эйнштейн). Это значит, что «на такой вопрос нельзя ответить с помощью одних научных методов» (Л. Бинсвангер); необходимо понимание через «зов совести» (М. Хайдеггер).

Психоанализ – «наука переживаний» (А. Лоренцер), «шанс самого интересного разговора в нашей жизни» (Н. Савченкова). Конечно, как доказывал Фрейд, человек, изнасилованный генитальным зудом, не хозяин в своем доме. Однако, пропуская похотливые фантазии через призму совести, нетрудно заметить, что главная интрига половой любви в сокрытии неблагоприятных мыслей и действий, вызывающих стыд, и, как следствие, глобальную ложь на всех этапах половых отношений. И как бы человек ни оправдывал похоть – бессилием перед инстинктом или необходимостью продолжения рода – у воображения есть хозяин, который прекрасно осведомлен о его содержании в отношении партнера по совокуплению. «Мы обладаем свободой воли и грехи совершаем только благодаря ей» – писал А. Августин, названный первым писателем-психологом.

«Есть два типа теорий любви. Одни из них составляют расхожие представления, общеизвестные истины, не вытекающие из реальности привлекаемого в доказательство материала. Другой включает более глубокие взгляды, основывающиеся на личном опыте» (Х. Ортега-и-Гассет). Щекотливость темы, разнообразие опыта и нюансов бездонного колодца любви пробуждают интерес к каждому прочувствованному мнению. «Беседа с достойными людьми – одно из величайших моих удовольствий. Я люблю, чтобы она велась в серьезном тоне и чтобы вопросы нравственности составляли ее главное содержание» (Ф. Ларошфуко).

«...С развитием возможностей по переработке информации возросла и наша уязвимость перед внутренними конфликтами». «Вырвавшийся из под власти инстинктов разум получил мучительную свободу выбора» (М. Чиксентмихайи). Составив из мазков-впечатлений «эскиз картины» (Ж. Кондорсе) безобразия полового акта, то есть своего рода импрессионистический образ темной стороны любви, мы также считаем себя жертвой просвещения. Однако, откуда взялся стыд за собственные побуждения, а также что такое душа – вот вопросы, на которые не знаем ответа. Стыд, в том числе половой, признан, как известно, самым

загадочным из всех человеческих чувств, а душа определена пока что как переживание, как свойство чувствовать.

«Нагота некоторых людей кажется более обнаженной, чем нагота других» (Ж.-П. Мартен). Труднее всего «праведникам, которые распознают за грехами и мерзостями человека его светлый лик» (В. Зеньковский). Причиной их беспокойства в нравственной сфере – «самой нужнейшей» (Пифагор) для науки – является неисчерпаемое мировое зло, которое совестливые, ранимые люди диагностируют и внутри, и вокруг себя. В совокуплении – этом самом впечатляющем и конфликтном для души деянии – нам для понимания собственного нравственного статуса достаточно правдиво отнестись к своим ощущениям. Внутренняя правда, связанная со стыдом, а не с показной наружностью, говорит человеку кто он на самом деле.

«...Люди с высоким уровнем развития, умные, чувствительные люди неизбежно испытывают на себе разрушительные последствия сексуального «психического преступления» (А. Менегетти), «всеобщей тенденции к унижению в сфере любви» (З. Фрейд). Показателен в этом отношении труд Папы Иоанна Павла II (в миру К. Войтыла) «Любовь и ответственность», чей анализ половой любви, опубликованный почти в конце жизни (книга писалась более 40 лет), – свидетельство беспокойства по поводу несовместимости похоти с чувством вселенской справедливости. Использование⁶ другой личности, обычно женщины, имеющее место в совокуплении, нельзя, как он считает, назвать любовью в истинном значении этого слова. Если Далай-лама, отказавшийся вообще обсуждать половой вопрос, знал о чем не говорит, предполагая, видимо, что в этом случае его моральную чистоту никто не подвергнет сомнению, то Папа Римский не только знал, пусть даже не из личного опыта, о чем говорит, но и попытался найти выход из нравственного тупика.

«Любовь приходит только через физическую близость» (Л. Ботич): влечение и совокупление, влечение и совокупление... «Не

существует любви без полового влечения. Любовь использует его как грубую силу. Как бриг использует ветер» (Х. Ортега-и-Гассет). Однако, не все так просто, хотя и такое представление о любви имеет место быть. У части людей откуда-то появляются беспокойство, стыд, а то и шизофрения. Тот факт, что половой акт повсеместно загнан в интим, говорит о том, что именно половой стыд сидит в людях – за исключением, может быть, абсолютно «толстокожих» – глубже, чем любой другой. А там, где стыд, там и интрига. И наоборот.

Сексуальность для чувствительных людей «благодатное» поле для развития нравственных болезней «на почве неразрешимого конфликта» (shizofreniya.org.ru) совести с побуждениями плоти⁸, их «мировоззренческих» разногласий. Именно «в тематике шизофренического мира выражено стремление к правде. Больной шизофренией не может примириться с поверхностной стороной жизни. И возможно, что все великие этические учения обязаны своим возникновением патологической совестливости их создателей» (В. Руднев).

Коль есть разногласия, есть и проблема. Не зря Витгенштейн находил беседы с пациентами психиатрических клиник более содержательными, чем беседы со своими коллегами. «Чувства людей гораздо интереснее их мыслей» (О. Уайльд).

«Не все, у кого болит душа, душевнобольные» (В. Демиль). «Любой нормальный человек нормален лишь отчасти» (З. Фрейд). «...Каждый из нормальных людей немного шизофреник» (П. Ганнушкин). Наши соавторы подобны «христианам – страдальцам от морали» в жестоком мире вселенского зла. Больными мы их не считаем – лишь чересчур совестливыми, нравственно «акцентуированными личностями» (К. Леонгард). К таким личностям мы отнесли бы, в первую очередь, людей с повышенным чувством справедливости, ошеломленных своими и чужими, вольными и невольными позывами из «бездны души», прежде всего теми, которые навязывает нам плоть. Чувствительный человек в

половозрелом возрасте находится между двух, вернее трех, огней: требованиями похоти, с одной стороны, и двумя контролерами – совести и общества – с другой. Если справедливо, что «...психика – это способность удерживать вместе непримиримое» (А. Секацкий), значит нравственная анемия признак здоровой психики.

Профессиональный психиатр Лэйнг «в последних работах...вообще отбрасывает границу между нормой и патологией, считая, что по-настоящему больна не личность, а общество, превращающее человека в психотика посредством так называемой двойной связи (когда к человеку одновременно предъявляются исключаящие друг друга требования). При этом шизофреник, с точки зрения Лэйнга, не только не является по-настоящему больным, но даже нормальнее многих «нормальных» обитателей этого мира» (П. Горноста́й). Такой человек «...находится в рискованной близости от откровенного психоза». «Здесь, конечно же, не всегда можно провести границу между душевным здоровьем и болезнью, между здоровым шизоидным индивидуумом и психически больным» (Р. Лэйнг).

«Нет ни одной превосходной души без примеси сумасшествия» (Аристотель). «Душевное здоровье – это утопия» (А. Сосланд). «Безумие... — понятие достаточно зыбкое, и люди мещанского склада произвольно орудуют им, руководствуясь сомнительными критериями. Границу разумного они проводят наспех и очень близко от себя и своих пошлых убеждений, а все, что находится за нею, объявляют сумасшествием» (Т.Манн). Между тем, «без отклонения от нормы прогресс невозможен» (Ф. Заппа), «...психически больной намного больше, чем кто-либо другой, «просто человек» (Г. Салливан). «...Неврастения скорее указывает на некоторое превосходство, чем на дефект. В утонченном обществе, живущем высшей умственной жизнью, неврастеники составляют своего рода духовную аристократию» (Э. Дюркгейм). «В целом безумие для меня – не

болезнь, а особое состояние души, часто деструктивное, но ведущее к творческим озарениям...» (В. Руднев).

«Способность постичь истину следует наряду с эмоциональной и нравственной зрелостью» (Р. Мей). «Каждый слышит лишь то, что он понимает» (И. Гете). «То, что для начитанного человека – пошлость, для неначитанного может быть откровением». «Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе писатель, а на те, которые в состоянии задать себе мы, а это часто очень разные вещи» (М. Гаспаров). «Интеллектуал... способен видеть изнанку вещей или их внутреннюю основу, порождающую следствия и их различные феноменологии. Так что, это не тот, кто говорит, вспоминает или представляет, а тот, кто выявляет знание» (А. Менегетти), облегчает «доступ к запрещенному знанию» (С. Жижек).

Спасибо Фрейд, «зодчему современного понимания человека» (Д. Брунер), показавшему откуда растут ноги у монстра, сидящего в каждом из нас, и выбившему почву из-под ног лицемерия – самой распространенной патологии (или нормы?) человеческого поведения. Он первым обратил внимание на «либидозный эгоизм» и преимущественно анальную мужскую сексуальность (того самого монстра) с ее «абсолютной аморальностью». Ведь монстр, «похоть плоти» (Иоанн Павел II) стремится унижить не столько тело, сколько личность жертвы.

Несмотря на искусственность некоторых построений, «самым великим психопатологом стал Фрейд. Фрейд был героем. Он сошел в «Преисподнюю» и встретился с абсолютным ужасом. Он принес с собой свою теорию, как голову Медузы, превратившую эти ужасы в камень. Мы, следующие за Фрейдом, обладаем знанием, с которым он возвратился и передал нам. Он выжил» (Р. Лейнг). «Никакой ортодоксальный последователь Фрейда, хотя и внесший значительный вклад в науку, не в состоянии предложить что-либо новое» (А. Грин). «Как ни странно, но до Фрейда исследователи считали почти безнравственным рассмотрение

сексуальных проблем и психологической стороны любовных отношений». «...Он не только указал новые пути исследования человеческой психики, но и преподал урок беспощадной откровенности» (Ш. Ференци). «Именно Фрейд завоевал всю эту территорию для естествознания. Со времен Фрейда ни один ученый не может работать в этой области, не соприкасаясь, так или иначе, с его теориями. Насколько бы позднее ни изменились и ни развились эти теории, они навсегда останутся критерием нашей научной совести и мастерства» (Л. Бинсвангер).

«Фрейд в действительности был первым современным психологом, который (в противоположность прежде распространенной традиции) исследовал все богатство человеческих страстей – любовь, ненависть, тщеславие, жадность, ревность и зависть. Страсти, которые ранее были «доступны» лишь романтикам и трубадурам, Фрейд сделал предметом научного исследования.

Возможно, этим объясняется то, что учение Фрейда нашло больше понимания и признания среди художников, чем среди психологов и психиатров, – по крайней мере до того момента, пока его метод не был взят на вооружение для психотерапевтического лечения все возрастающего потока больных. Что касается представителей искусства, то учение Фрейда воистину вызвало у них чувство, будто впервые появился ученый, который взял их кровную тему и постиг человеческую «душу» в самых ее сокровенных и значимых проявлениях».

«Фрейд... искренне верил в разум как единственную силу, способную спасти человека от душевного и духовного краха. Он требовал настоящего самопознания человека через раскрытие его неосознанных влечений». «Любовь как явление сознания, как наивысшее достижение зрелости не представлялась Фрейду достойной исследования, поскольку она для него не имела реального существования». «В ходе дальнейшего развития психоанализа необходимо исправить и углубить концепцию Фрейда,

переведя его прозрение из физиологической в биологический и экзистенциальный аспект» (Э. Фромм).

В «попытках проникнуть во внутренние стороны человеческих пороков» (Чан Тхак Хван) «поэты и философы, конечно же, лучше описали необходимые составляющие и стороны зрелой любви, чем любые психоаналитические исследования» (О. Кернберг). Здесь беспокойство Кьеркегора, «мужество быть» (П. Тиллих) важнее «мысли» Декарта. «Постигнуть сердцем все возможно непостижимое уму» (К. Фофанов). «Порой слепые тоже могут увидеть тайники твоей души» (Джами). «На каждом шагу я обнаруживаю, что меня опередили поэты». «Я часто с удивлением задавался вопросом, откуда вы знаете о той или иной неизвестной другим вещи, до которой я сам дошел только в результате сложных и долгих исследований», – писал Фрейд Шницлеру.

«Мы – стихийные психологи» (Х. Барлоу). «Наша интуитивная «бытовая» психология значительно превосходит психологию научную – и по масштабу, и по точности» (Д. Саймон). «Есть путь от глаз к сердцу не через интеллект» (Г. Честертон). «Я восхищаюсь Фрейдом, но он все же не единственный психолог, когда-либо живший на Земле» (Ф. Вертхем). Авторитет для нас тот, кто является «психологически выдающимся, вызывающим восхищение, умеющим выражать себя интересным партнером» (Д. Миллер), который «говорит – или чувствует – больше, чем знает» (Б. Миускович). Тем более, что «наше отношение к миру – плод не познания, а непосредственного восприятия его, переживания» (А. Швейцер). Там, где речь идет о чувствах, например, нашей нравственности, логическое обоснование бессмысленно.

«Не ищите знания ради знания. Все, что не проистекает непосредственно из чувства, в поэзии имеет нулевую ценность» (М. Уэльбек). «Понимать сердцем...это намного более глубокая уверенность в своей правоте, нежели когда полагаешься на здравый рассудок» (Д. Гоулман). «Понять – значит почувствовать» (К. Станиславский). «...Под

«пониманием» я подразумеваю не чисто интеллектуальный процесс. Можно заменить слово «понимание» на слово «любовь». Но ни одно другое слово не было так проституировано» (Р. Лэйнг).

«По мнению Розанова, причина человеко- и мироотрицания в христианстве вовсе не в его духовной ориентации. Она... – в физиологии. Проповедники христианской морали призывают к воздержанию от половой любви не потому, что являются поборниками нравственности, а потому, что испытывают к ней реальное, чисто физиологическое отвращение. Это урнинги, люди третьего пола – не мужчины и не женщины. Именно поэтому половая любовь для них это «низменный инстинкт» (Вл. Соловьев в статье «Судьба Пушкина»); «животное и грязное чувство, лживо изукрашенное поэтами» (М. О. Меньшиков «Элементы романа»); «преступление, сообща творимое мужчиной и женщиной» (Л. Н. Толстой «Крейцера соната») (Ю. Соловьев). Сегодня «истинная психология или сорок вопросов к душе» (Я. Беме) – это, помимо урнингов – сторонников девства, еще и «фрейдовы отпрыски», задающие тон в процессе «познания естества» и «проклятья плоти» (atanor.com.ua⁹). Подчеркнем, что мы испытываем отвращение не к эякуляции как таковой, а к содержанию мыслей, ее стимулирующих.

К раскрытию тайн Эроса – «этой самой загадочной сферы человеческого существования и бытия» (С. Ключников) – человечество будет стремиться с неизменным любопытством. «Этот всемирный интерес, который выдвинула перед человечеством сама история» (Ю. Рюриков), вызван не чем иным, как «конфликтом совести» (В. Франкл), связанным с извлечением удовольствия из сексуального использования другой личности. Поэтому совокупление – это вечная интрига сокрытия постыдного, «украшающая» нашу жизнь подозрением и себя и других в лицемерии. «Сексуально зрелая личность не отягчена ни излишней искушенностью, ни чувством греховности секса» (Ю. Левченко), то есть зрелыми мы становимся по мере привыкания ко лжи. «Одно постепенно становится все более публичным, другое – все более скрытным» (Д. Бюдженталь»). Уже в

самом факте сокрытия нашего самого главного дела трудно не увидеть стремление отгородить подлость¹⁰ от постороннего взгляда. «Изнанка любви» как раз о том, чем зрелые руководствуются, но о чем не говорят.

Наш обзор, в котором примерно 900 соавторов, – не развитие, а популяризация идей Фрейда с опорой, в основном, на мнение людей, которые хорошо чувствуют несовместимость похоти с понятием добра. В конце концов, и мы, начитавшись Фрейда и иже с ним и укрепив уверенность в собственном психическом здоровье, тоже решили высказать все, что думаем о любви, пользуясь еще не отмененным правом на компиляцию мироощущения и следуя «замыслу психоанализа открытыми глазами смотреть в действительность со всеми ее безднами, не бояться правды, сколь бы странной и жуткой она нам ни казалась» (С. Франк). «Возвышенный самообман вернее всего делает наш разум игрушкой темных влечений. Пучок лучей, брошенный в ночные, аффективные стороны души, напротив, помогает сопротивляться дурному и постыдному» (О. Кривцун). «Чувствующий свою низость еще может подняться» (darkdiary.ru).

Во избежание наукообразия и «дабы не затеряться в лабиринте абстракций» (Т. Сас), мы, как и большинство наших соавторов, пользуемся более приземленной по сравнению с психоанализом терминологией: конструкцию «ОНО»-«Я»-«Сверх-Я» («Ид»-«Эго»-«Суперэго») заменили на их проявления: «Зуд»-«Похоть»¹¹-«Стыд». Удалившись от науки – психиатрии, мы приблизились к шарлатанству – философии. Едва ли Фрейд одобрил бы такое упрощение, но так мы решили отдать дань иронии по отношению к тому, что названо любовью, хотя целиком зависит от физиологического процесса. Возможно, правда, он подверг бы критике всю нашу философию «сексуального материализма» (С. Франк) «за систематизацию, граничащую с параноидальным бредом, да и, конечно, за пренебрежение к бессознательному» (В. Мазин). Считаю, что для передачи духа клоаки¹², каким веет от половой любви, ставшей интимным делом по

той же причине, ненаучный подход предпочтительнее научного, поскольку предоставляет простор для эмоций – необходимого условия подлинной интеллектуальной проницательности. Ведь и сама психология, как мы укажем, ссылаясь на авторитеты, – скорее искусство, чем наука; это сфера чувствований, на которые должен быть способен прежде всего сам психолог.

«В этой книге я лишь составил букет из чужих слов, а моя тут только ленточка, которая связывает их» (М. Монтень). «Книга составлена в виде трактата, но саму трактовку предмета дают как бы сами авторы высказываний» (Н. Смирнов). Она – «...своего рода сборник высказываний мыслителей, философов, психологов, писателей, поэтов, просто выдающихся людей. Однако, не следует относиться к этим высказываниям как к банальной совокупности афоризмов. Просто постарайтесь не торопясь, вдумчиво прочитать каждую из приведенных ниже цитат» (А. Скрыпник).

Книга будет интересна прежде всего тем, кто ищет ответы на вопросы, связанные с цензурой сознания, «эротическими источниками чувства неполноценности» (Д. Марциновский), «тупиковыми ситуациями сексуальных взаимоотношений» (С. Жижек). «Как говорит мой гуру: «Врата ада заперты изнутри» (Н. Линде). «Здесь есть кипение, пылкость эмоций, грубая истина, небрежность фразы, что особенно впечатляет умы, любящие истину, истину горячую, словно кофе» (О. Барбье). «Мне очень трудно было писать эту книгу, я нарушил свои же собственные внутренние запреты. Но в то же время не писать её мне было нельзя: открывается очень страшная правда о людях. И пришлось, как говорится, действовать «через не могу» (Б. Диденко)¹³.

«По своему характеру книга «рассчитана на дальнейшее соавторство...». «Задача состоит не только в том, чтобы указывать и запрещать, а еще и в том, чтобы объяснять и толковать» (Иоанн Павел II). «Цель интерпретации – сделать неясное ясным, неизвестное – известным,

скрытое – открытым, а спрятанное в темноте вывести на свет» (П. Куттер). Как в синектике: «разрозненные элементы объединяются в одно целое, и неизвестное переходит в понятное» (Professional Post).

Материал книги отражает типичную мужскую гетеросексуальную ориентацию¹⁴. Присущие «товару любви» (Г. Мопассан) женские ощущения, преимущественно мазохистские, для нас, как и для нашего гида Фрейда, «белое пятно»: «над загадкой женственности много мудрило голов всех времен».

«Мужчина владеет пенисом, над женщиной же господствует vagina». «Ключ к женской душе, как и к физической природе женщины, лежит в ее сексуальности. Сексуален, разумеется, и мужчина. Но его сексуальность – довесок к его личности. Сексуальность же женщины тотальна. Пол пронизывает все ее существо. «Ж» – есть не что иное, как сексуальность; «М» – сексуальность и кое-что еще. «Половой аппарат женщины скрыт в ее теле», половые органы мужчины остаются снаружи как некий придаток к его телу» (О. Вейнингер). Видимо, не зря Гегель определял мужчину животным, а женщину – растением. Да и в библейском – «женщина тоже человек» – заложено какое-то сомнение. Отношение к виновнице несчастий человека не могло быть другим.

«Мужчина воспринимает образы целиком, женщина частями» (П. Ладан). «Женщина более способна к частным идеям, чем к обобщению и отвлечению. Любопытство ее обращается преимущественно на факты и подробности» (А. Фурье). «Ибо что может быть реже, чем женщина, которая действительно знала бы, что такое наука?» (Ф. Ницше). «Традиционная наука восприняла скептически возникновение «женских исследований» (Энциклопедия «Кругосвет»). Ее природа – чувствовать, впитывать и поглощать; ей ближе душевная, а не духовная жизнь. Как объект мужской половой агрессии – именно такой женщина предстает у наших соавторов – она интересуется мужчин в основном снаружи. В свою очередь, и она не только не отказывается быть приманкой для мужчин, но и

считает эту роль своим главным делом. «Они живут мужчинами, пьют кровь из своих беспомощных жертв» (Э. Мунк). Почему женщины «чрезвычайно редко чувствуют себя униженными и подавленными после полового акта» (Ю. Эвола) и не разбегаются от нас – «похотливых козлов» – как черт от ладана, пожалуй, одна из самых больших загадок их души; возможно и для них самих: «неосознаваемые запретные женские желания, роли и функции остаются загадкой для женщины» (О. Павлова).

«У женщины нет ничего несексуального...» (Н. Бердяев). «Пол разлит по всей плоти ее организма, по всему полю души» (Л. Андреас-Саломе). «Глубокое декольте успешно заменит женщине отсутствие нескольких извилин» (Ф. Раневская). Вполне объяснимо, что женскую солидарность «не вздымать ноги к небу» (Аристофан) перед мужчинами мог вообразить себе только мужчина, подчеркнув к тому же, что не только грудь может быть лицом женщины.

Эти несколько абзацев о женщинах – всего лишь «проявление мужского мифотворчества» (Энциклопедия «Кругосвет»). Чем бы оно ни объяснялось, будьте уверены – мужчины хорошо знают, за что они любят женщин более всего на свете. «Я любил любовь» – говорил Августин, справедливо считая похоть, толкающую мужчин на наслаждение злом путем сексуального унижения женщин, величайшим грехом¹⁵. Естественно, в молодости он за этот грех не каялся. Ожидаем, что когда-нибудь кто-то из женщин, в отместку, как в полноценном половом акте, напишет книгу о сексуальном использовании мужчин. Чтобы подвигнуть женщин на месть, возьмем на себя смелость от имени всех мужчин заявить: мужская борьба за женщин – борьба за их осквернение. И многие женщины, причем не только закоренелые феминистки, это хорошо понимают: «я знаю что такое половой акт» (А. Дворкин), «удовольствие от унижения сексуального объекта важнее самого секса» (К. Миллет), «...если говорить об этом (сексуальности – Г. С.) серьезно, то можно сойти с ума» (В. Брежнева).

Тема, которая «пришла и оттерла» (В. Маяковский), неисчерпаема, но с «тыльной» стороны еще не избита. Тем, кто не видит в половой любви грязи, кому дороги иллюзии о неизбежной любви, кто «сам обманываться рад» (А. Пушкин), читать нашу книгу, в первую очередь женщинам, не советуем. Лучший способ избежать отвращения – быть в неведении или хотя бы не думать; это справедливо как в отношении к смерти, так и к половой любви.

«Подавляющему большинству недостает интеллектуальной совести» (Ф. Ницше), тем более в «извлечении идей» (М. Эбли) из постыдного удовольствия. «Говорить правду тяжело и противно, особенно когда эту правду надо открыть не кому-нибудь, а самому себе. Своей душе, которая кривится и противится, точно отворачивается от неприятного запаха» (О. Рой). «Внутренняя правда – это то, к чему стремится психоанализ, это преобразование, убежденность, которая позволит нам сказать: «Вот, именно это – действительно я. Это моя правда. Это то, как я чувствую и отношусь к событиям и людям. То, что я о них теперь понимаю...» (А. Грин). «В истории человека накопился достаточный опыт страстей, любви достаточно уделено внимания гениальных умов, и наконец, мы имеем в нравственном откровении ключ к раскрытию этой загадки, как и всех остальных» (М. Меньшиков).

«Давно замечено, что любопытство тоже

Сердца иные жжет и на любовь похоже» (П. Корнель).

Коварным «жалом любопытства»... «человек как будто открывает для себя одну из тайн, одно из предназначений своей сущности» (М. Фуко). Послушаем же голос любопытства – «одного из самых непреложных и очевидных свойств мощного интеллекта»¹⁶ (С. Джонсон).

При отборе материала с точки зрения терминологии нами двигало «стремление к одновременному диалогу как с широкой публикой, так и с просвещенным меньшинством» (Ч. Дженкс). «Все должно быть изложено просто, но не проще этого» (А. Эйнштейн). «Философы ведут споры не о

природе вещей, но об отношениях определенных слов, достаточно абстрактных, чтобы оставаться пустыми и неясными» (П. Валери). Тезис Гёте «философия философов – это обыкновенные мысли на невразумительном языке» напоминает нам, что барьер вразумительности у каждого свой по причинам различной чувствительности и степени освоения понятий. Хорошая научно-популярная книга «обладает двумя важными качествами: ...она проясняет предмет и заставляет читателя думать» (Д. Камерсон).

«Это не научный труд, могут быть небольшие недочеты при написании тех или иных выражений, фамилии авторов...» (Н. Смирнов). Нас интересуют прежде всего идеи, как результат творческих усилий и тонких наблюдений, а не сюжеты – в основном продукция памяти. Из соображений полноты и цельности темы мы не стали избегать цитирования общеизвестных истин, заслуживших признание глубиной и блеском изложения.

«Рисковать – значит тревожиться, но не рисковать – значит потерять себя» (С. Кьеркегор). «Не столь непостижим сей мир, сколь закоснела наша мысль в пленках аксиом» (Л. Болеславский). «Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость» (Ф. Ларошфуко).

Половой акт – место, «куда ангелы боятся ступить», а потому «мои законодатели Эразм и Монтень, а не Моисей и св. Павел» (Э. Форстер). В отличие от приверженцев чистой любви к Богу (насколько бескорыстна любовь из страха не попасть в рай – вопрос спорный), считающих, что «глупцы рвутся туда, куда ангелы ступить не смеют» (Онтология Прекрасной Реальности), мы, уверенные в бренности и греховности не только тела, но и души, следуем девизу Эмерсона – «Верь себе!». Конечно, «наш истинный дом – царство души» (там же), но мы предпочтем остаться глупыми и смешными, чем трусливыми.

«Жить покоем дорожа –

Пресно, тускло, простоквашно,

Чтоб душа была свежа,

Надо делать то, что страшно» (И. Губерман).

«Умение – быть – виноватым принадлежит великим характерам» (Г. Гегель). Глубину порочности человек способен идентифицировать лишь в меру своей чувствительности. «Кто краснеет, знает несколько больше, чем должен был бы знать» (П. Валери). «Лучшим автором будет тот, кто стыдится стать писателем» (Ф. Ницше). «Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла... только оно может стать великим»¹⁷ (А. Блок).

Без всякой претензии на что-то выдающееся мы просто собрали чужие мысли под одной крышей и расставили их в соответствии со своим пониманием теории Фрейда. Как известно, «художники и ученые различаются не тем, что их интересует, а тем, как это их интересует» (К. Робинсон), то есть помимо тщеславия и желания творить, результат зависит от степени вовлеченности души. В нашей книге больше эмоций, чем науки – она больше для понимания, чем для чтения¹⁸. Как сказал Кожев, «философия – это по сути дела желание философствовать». Наша тема столь многогранна, что мы с трудом удерживались от этого желания. Изысканной и парадоксальной глубины, как у Жака Лакана, не обещаем, но «эмоциональную подлинность» (Д. Оруэлл), свойственную русскому «мазохизму совести», гарантируем. У такой литературы не так много читателей, как у развлекательной, но они всегда находились. Их мы обязаны предупредить, что вторжение в преисподнюю совокупления чревато разочарованием в любви ко всему человеческому. Предполагаем, что именно эта опасность имеется в виду в предостережениях, приведенных далее.

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Л. Витгенштейн). «Мы должны быть осторожны с тайной личности: не врывайтесь, забыв почтение, в святая святых человека!» (Т. Карлейль). «...За табу и за стыдливостью скрываются отнюдь не невежество и темнота, а

глубокие нравственные чувства, разрушающиеся от вторжения образованного цинизма. Есть сокровенное, что прячется от посторонних глаз, что является и должно оставаться тайной» (В. Шердаков). «Такая предельная откровенность... ценнее любого ханжества..., ибо она дает возможность подойти к постижению тайны. Наверное эту тайну раскрыть невозможно, да и не нужно этого делать (С. Ключников

«Но что б до истин докопаться,

Не стоит в преисподнюю спускаться»¹⁹ (Н. Матвеева).

Но вот и контраргументы. «Людей можно исправлять только показывая каковы они» (П. Бомарше). «Чтобы очиститься от грехов, человечеству нужно объявить их тем, чем они являются» (К. Маркс)²⁰. «В сексуальной жизни есть что-то унижительное для человека. Только наша эпоха допустила разоблачение жизни пола. И человек оказался разложенным на части. Таков Фрейд и психоанализ, таков современный роман. В этом – бесстыдство современной эпохи, но также и большое обогащение знаний о человеке» (Н. Бердяев).

За советом «не дразнить Дьявола» стоят стыд и страх. Но мы, отвергнув чувство самосохранения, отправимся прямо в бездну. Маяком и путеводной звездой в этом путешествии нам будут Фрейд, считавший, что «постыдность» таких явлений не мешает им быть реальностью», а также его последователи, которые, «презрев все обычаи и условности» (Ш. Бронте), смело нарушили принцип Гомера «об одном следует говорить, о другом – молчать».

К сожалению, разоблачение человека как алчной и порочной твари ничего в мире не меняет, если не считать, что «феномен, как и положено, окружен скандалами» (В. Мазин). «Человечество препятствует самооценке всеми средствами» (К. Лоренц). «Мир не терпит, когда о нем размышляют те, кому известно, что он из себя представляет» (Б. Шоу); тем более, если этим занимается настоящий «палач души» (Р. Грин), каким был Фрейд. «Психоанализ по сей день встречает сопротивление... в первую очередь из-

за его нелицеприятной информации об истинной природе человека» (П. Куттер). «Я сталкиваюсь с такой враждебностью и живу в таком одиночестве, будто я в действительности открыл великие истины» (З.Фрейд). «Фрейд знал, что и сейчас, возможно подсознательно, его идеи вызывают ненависть» (Ш. Ференци). Как известно, «на протяжении всей жизни Фрейд подвергался грубым оскорблениям. «Похотливый олух из Мясного переулка» – далеко не самое «крепкое» из них...» (И. Гарин). Американские пуритане, особенно преуспевшие в лицемерии во всех областях жизни, послушав Фрейда, поморщились, но конечно же не прекратили размножаться половым способом. Наше «базовое переживание» (Е. Торчинов) – похоть, как и жажда обогащения, надежно прикрыта маской респектабельности. «Секс приносит победу, если человек освобождает его от нравственных императивов» (А. Камю).

В литературе на тему неизбежной любви отношения мужчин и женщин, как правило, «объединяет то, что в них содержится попытка выразить сущность путем перечисления внешних проявлений» (О. Новоселов). «Примеры такой кустарной психологии²¹ можно найти в любой газетной статье о социальных тенденциях». «Причина пропасти между расхожими представлениями и фактами», которые могут «дать рациональное объяснение поведению какого-то отдельного человека» (С. Пинкер), заключается в том же стыде. Но если знание «облегчает существование» и движение человечества от зоологического к просвещенному все равно не остановить, не лучше ли нам, наконец, признаться кто мы? И почему бы нам путем просвещения в отношении того, что есть на самом деле «первородный грех», не оказать таким способом психологическую помощь «страдальцам от похоти»? Обретают же циники цельность души, не подвергая ее опасности расщепления! «Где есть Истина и Знание, там нет страха» (ссср.kh.ua).

«У каждого человека есть желания, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не признается даже себе самому» (З. Фрейд). Не

каждый, даже не пугливый, способен назвать подлость своим именем, когда это касается его лично. Многие наши соавторы, чувствуя грязь нутром, употребляют такие слова как «бездна», «преисподняя», «темная Самость» и т. п., которые свидетельствуют скорее об испуге человека перед самим собой, чем о какой-то тайне. Надеемся, что наш труд будет способствовать не только обогащению знаний и осмыслению проблемы, но и лечению стыдливых. Ведь люди «больше всего хотят подтверждения того, что те части их личности, которые они считают греховными, являются неотъемлемой частью их существа» (Р. Вебстер).

«Каждый человек в мире делает сам очень простой выбор: прославлять свои животные инстинкты или стыдиться их» (А. Горюнов). «В разные эпохи и цивилизации, у всех почти народов наряду со сладострастным культом раздавалась проповедь полного отрицания половой жизни, сурового аскетизма, доходившего в некоторых случаях даже до окончательного разделения человеческого рода на два как бы враждебных лагеря» (М. Меньшиков). Это разделение связано с различным восприятием «довольно низменных притязаний плоти» (Ф. Мориак), с накалом «внутриличностного конфликта» (Э. Эриксон) между этими притязаниями и совестью. Для чувствительных людей наказание стыдом за эти притязания – это еще одна несправедливость в жизни, но именно их можно считать совестью человечества. «Любовь всегда – некий фактор человеческого нутра...» (Иоанн Павел II). «Уровни сексуализации», «различные состояния опьяненности», «позитивный и негативный аспект эроса», «возникающее в любви чувство вины» (Ю. Эвола) и накал других переживаний зависят от многих причин, в том числе и внешних, но прежде всего от чувствительности и внутреннего чувства справедливости. Ими мы и отличаемся друг от друга: от полного бесстыдства до самораспятия. «Подчеркнутая неприязнь Набокова к Достоевскому и Фрейдю показательна» (С. Гандлевский). Думаем, что последние прониклись бы к Набокову, мусолившему свою порочность, несоизмеримо большим

презрением. Наглядный факт: никто не любит союзом девушки с престарелой рухлядью, исчерпавшей все возникающие помимо воли физиологические источники возбуждения. «Война между стыдливými и бесстыдными, наверное, никогда не закончится» (Р. Вальтер).

«В любви все совершается бессознательно, а к тайне ее причастно лишь ничтожнейшее меньшинство...»²² (К. Моклер). «Раскрытие нерушимой внутренней сути – возможно одна из форм проституции» (У. Хейстад), «духовный эксгибиционизм» (Г. Миллер). «Впитав в себя тысячи книг, я полностью отдаю себе отчет в невообразимой трудности сказать что-то новое и одновременно ясно сознаю, сколь легко это сделать в окружении невежд» (И. Гарин). Просим психиатров не считать нас своим пациентом, тем более, что шизофрения, как полагает украинский психиатр Омкар, если и лечится, то только с помощью духовного лица; только он «возвращает личности целостность восприятия мира, целостность мыслей, эмоций, желаний и чувств» (shizofreniya.org.ua).

Бросив вызов благоразумию и излив «мстительную ненависть» (Г. Миллер), мы понимаем, что нам далеко как до «профессионалов публичной исповеди» (А. Моруа), так и до раскрытия «последней тайны психологии» (А. Черницкий), и потому на придирчивого читателя не рассчитываем. «Ведь я заимствую у других то, что не умею выразить столь же хорошо, либо по недостаточной выразительности моего языка, либо по слабости моего ума» (М. Монтень). Надеемся, что некоторая запальчивость – сестра наивности, – вызванная желанием обратить читателя «в свою веру», не умаляет значения нашего труда как еще одного свидетельства чрезмерной стыдливости и вытекающей из нее мстительности – неизвестно кому, но известно за что. «Мы хотим мстить и позорить тех, кто не подобен нам», так клянутся сердца тарантулов» (Ф. Ницше). «Отомстить всем. Всем, кто даже не виноват...» (Е. Тарасова). Ведь не только «Фрейд был зол на человечество» (А. Белкин). Вот мы и мстим, следуя одному из призывов

Уэльбека: «Развивайте в себе чувство обиды на жизнь. Горечь – необходимая составляющая всякого настоящего творчества».

В принципе, «любое творчество – это самовыражение. Художник выражает свою сущность» (В. Токарева). «Любое человеческое творение, будь то литература, музыка, живопись или архитектура, это всегда автопортрет» (С. Батлер). «Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле» (И. Гете). «Каждый усматривает в другом лишь то, что содержится в нем самом, ибо он может постичь его лишь в меру своего собственного интеллекта» (А. Шопенгауэр). «Каждый пишет как он дышит» (Б. Васильев).

«Мало кто задумывается над тем, почему наши половые органы выполняют две столь контрастные функции: производство жизни и выведение из организма мертвых отходов?» (С. Варакин). Создатель, совместив органы размножения с органами испражнения и предоставив человеку возможность испытывать «злую радость» от осквернения другой личности, полагал, видимо, что лучшей гарантии сохранения вида он не найдет. Очевидно, что независимо от того, идет ли речь об обычном генитальном контакте или о «сексе с человеческим лицом» (В. Гитин), принципиальным в обострении нравственной болезни, называемой половым стыдом, является вопрос о том, какой частью тела мы «любим», какими ассоциациями распаляем свое воображение и из каких ощущений извлекаем высшее удовольствие.

«Тайна пола раскрывается лишь в любви, но нет области, в которой господствовал бы такой инертный консерватизм и такое условное лицемерие, как в области половой любви» (Н. Бердяев). Разоблачению сексуальности как преступления против совести²³ мешают стыд и «всемирный инстинкт отвращения к такому копательству около корней» (В. Розанов).

«Зачатие не только не есть грех; оно поистине есть исполнение самого удивительного из божественных даров – способности давать жизнь. Но зачаты мы во «грехе», ибо неизбежным элементом зачатия стала похоть» (Наследник). «Единение душ в сотни раз прекраснее единения тел» (Ибн Хазм), но «пол в своих проявлениях посягает на достоинство личности, он делает ее игральным безличных сил и унижает человека» (Н. Бердяев). Другими словами, путь к любви, привязанности и продолжению рода – ценностям, придающим жизни хоть какой-то смысл, – лежит через сексуальное использование другой личности – через свинство, вызывающее у чувствительных людей стыд и физическую неприязнь к себе подобным.

«Мы безмерно низки, ибо каждодневно совершаем то, что никто не назовет подлостью, но что на деле и есть самое подлое, что может быть». «И кому какое дело, что в дозволенных и допустимых вещах подчас больше бесчеловечности, чем в явных преступлениях. И, наконец, мы не делимся своим откровением, потому что всем оно известно и каждый открыл его в себе самом и вокруг себя» (С. Пролеев). «Половая любовь существует, как все другие страсти, но как и они, – она должна быть развенчана; с этого идола должны быть сняты драгоценные украшения и пышные краски, чтобы всякий видел, что это не бог, а простое дерево...» (М. Меньшиков). «Я хочу в своей книге подействовать на разум, на чувства, на нервы человека, на всю его животную природу. Я хотел бы, чтобы человек бледнел от ужаса, читая мою книгу, чтобы она действовала на него как дурман, как страшный сон, чтобы она сводила людей с ума, чтобы они ненавидели меня, проклинали, но все-таки читали...» (Д. Андреев).

В собранном нами компромате на половую любовь нет ничего нового. «Я говорю вам только то, что есть у Фрейда» (Ж. Лакан). «Фрейд знал ответы. Если вы не понимаете чего-то относительно секса, не говорите, что это ужасно или таинственно. Посмотрите у Фрейда» (Э. Берн). Секс – не просто «необходимое зло», обязанность перед телом. В соитии,

совершаемом в том числе и на законном основании²⁴, люди, преодолевая стыд и сдерживая аппетит к недозволенному²⁵, удовлетворяют свою склонность к садизму и насилию.

Наслаждаясь унижением другой личности вполне осознанно²⁶, человек вынужден маскировать это грязное занятие хоть какой-то ширмой, называя любовью то, что ею не является. Когда каждый, спросив себя об этом, ответит искренно – тогда и перевернется мир.

«Быть абсолютно честным с самим собой – хорошее упражнение» (З. Фрейд). «Или так совестно признаться в своей низости?» (М. Дзыско).

«– Друг мой, – отвечал скорпион черепахе, – твоя природа – помогать, а моя – жалить» (Суфийская притча). «Мне нужно было очистить свой организм от яда. Я выплеснул его в свои книги» (Г. Миллер).

У народа спросили: «Возможно ли русскому интеллигенту в живого человека х...м тыкать?» (Ф. Лустич). И народ ответил: «Лучше нет красоты, чем пос...ть с высоты» (рус. эротический фольклор).

«Пророка спросили: «За что чаще всего попадают в ад? И пророк ответил: «За грех языка и половых органов» (Абу Хурайра).

Мужчину спросили и он ответил: «Половая любовь – это мерзость» (Л. Толстой).

Женщину спросили и она ответила: «Физическая сторона брака меня ужаснула» (Ж. Санд).

Священника спросили и он ответил: «Все мы производим дерьмо, с которым нужно разбираться» (М. Гангор).

Приглашаем заглянуть в антологию непотребства, побывать в «таинственных сферах, куда открыт доступ лишь способным переживать экстаз, исступление, откровение» (А. Нин) – на «праздник дерьма» (Э. и Ж. де Гонкур).

«Если вы ни о ком не можете сказать ничего хорошего, садитесь рядом со мной» (Э. Лонгуорт).

¹ Цитаты (в некоторых случаях подвергшиеся сокращению) взяты из произведений, печатавшихся в России и Украине и имеющихся в интернете.

² «Интрига (от лат. *intricare* – запутывать) – скрытные действия неблагоприятного характера для достижения какой-либо цели; происки; козни» (Словарь иностранных слов).

Далее «примечания находятся как бы «во вне книги», свидетельствуя о зависимости автора от чужой мысли и от других книг, и вместе с тем о его начитанности» (Иоанн Павел II).

³ «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающего подобного обращения» (Р. Бэрон и Д. Ричардсон). «Агрессия определяется не вредом, а его сочетанием с намерениями» (Р. Фрэнкин).

⁴ «Монстр – и в мифологии, и в кино – определяется как злонамеренное существо, обладающее разрушительной силой и представляющее угрозу для людей» (Ж. Парис). «Понятие монстра, по сути своей – юридическое понятие, в широком смысле слова, конечно». «Скажем так: монстр есть сочетание невозможного и запрещенного» (М. Фуко).

⁵ На наш взгляд сексуальность – самостоятельный мощный источник агрессивности как в силу непреодолимого генитального зуда, так и в силу ее связи с возможностью достижения целого ряда личных и социальных целей.

⁶ «Русские крайне романтический народ, они верят в любовь» (Д. и В. Мейс).

⁷ В народе это слово имеет аналог – поиметь.

⁸ В соответствии с определением ряда словарей под плотью мы будем подразумевать нижнюю часть тела как источник чувственности, похоти.

⁹ Как ни странно, авторы сайта, выбрав духовным учителем Я. Бёме, «вопросов к душе», судя по содержанию, не задают.

¹⁰ Подлый – низкий в нравственном отношении, бесчестный (Викисловарь), то есть негодяй, подонок, мерзавец, дрянь, паскуда, сволочь, скот... – кому что нравится.

¹¹ В данном случае мы, как и Фрейд, сужаем понятие «Похоть» («Я») и рассматриваем его не как одно большое желание всего и вся, а только как половой аппетит, когда душа ничем другим не интересуется.

¹² Клоака – гнездо гадости, нечистоты органов испражнения, крайне отвратительное грязное место (Из словарей).

¹³ Вполне возможно, что некоторые из правдолюбцев успокоятся, если соитие перестанут называть любовью.

¹⁴ «...Эрос имеет одни и те же особенности независимо от формы любви...» (Р. Мей).

¹⁵ Христианское отношение к совокуплению связано, конечно же, с неприятием анально-генитального характера похоти, а не с сочувствием к женщине.

¹⁶ На наш взгляд, для обретения интеллектуальной мощи одного любопытства недостаточно. Скорее всего здесь подразумевается сочетание чувствительности, пытливости и наблюдательности. Добавим энергию тщеславия и получим гения.

¹⁷ «Литература все-таки единственный вид деятельности, позволяющий не зарабатывать ни гроша, не рискуя стать посмешищем» (Ж. Ренар).

¹⁸ Словосочетание заимствовано у Лакана. Свои труды он, наоборот, считал пригодными «больше для чтения, чем для понимания».

¹⁹ Образец женской логики. Интересно, как же она собирается докопаться до истины? Хотя..., и это уже схоластика, на вопрос «Что такое истина?» не ответил сам Иисус.

²⁰ Чем закончилась попытка Маркса избавить человечество от греха корыстолюбия путем упразднения частной собственности в соответствии с «этикой собратьев по нищете» (П. Бриджмен) – хорошо известно.

²¹ Речь идет о засилье своего рода попсы от психологии – плодовой, пустопорожней и назойливой. В нутро они не только не заглядывают, но даже не понимают, о чем идет речь. Проблематика души — вопрос чувствительности, а не образования. Поэтому психолог-экстраверт – такой же нонсенс, как обезьяна-интроверт.

²² С первой частью этого утверждения мы не согласны. Согласиться с ним означало бы признать, что любовь существует пока существует половой аппетит, похоть. Абсолютный материализм! Неподвластен сознанию лишь физиологический источник любви – генитальный зуд, тот самый дьявол. Ну и, конечно, стыд. Два неразлучных антагониста; закадычные враги.

Справедливости ради следует отметить, что ни любви, ни привязанности в жизни полов просто неоткуда было бы взяться, не будь похоти. Прежде всего похоть отвечает на вопрос – за что мы кого-то любим.

²³ Шутники, возможно, более проникательны. Они считают, что никакого преступления здесь нет. За всей неразберихой с любовью стоит обыкновенный сговор между Х и П.

²⁴ Состав преступления в таком соитии переходит по факту взаимного согласия под юрисдикцию совести, которая и вершит суд, наказывая стыдом. «Людей... с полным правом можно было бы назвать преступниками вследствие сознания вины» (З. Фрейд).

²⁵ Безграничность этого аппетита – причина многих бед, вызываемых стремлением к разнообразию, отвращением со стороны жертвы и т. д.

²⁶ О недооценке Фрейдом осознанности сексуального кощунства в пользу бессознательного см. в главе «Постскриптум».

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ ТОЛСТЫЕ АНТОЛОГИИ

ОБРЕТАЯ БЛАГОДАТЬ

«Пусть это будет сколь угодно болезненно –
какая разница, если получится хорошая книга?»

Д. Сэйерс

«О сексе и смерти нельзя даже упоминать. Как только поднимается одна из тем, что-то внутри нас начинает дрожать» (Ошо), ибо смерть и сексуальность, двое близнецов, кладут на мир печать зверства» (Преп. Ефрем Сирийский).

«Закон не освящает секс и не проклиняет его. Но открывая человеку истину о сексе, его неизбежную трагическую двойственность, он помогает ему сохранить внутри себя понимание своей истинной природы и бороться за ее целостность или, другими словами, искать благодати...» (А. Шмеман).

Однако, «индивидуумы... испытывают желание найти состояние, свободное

от всякого напряжения» (З. Фрейд), поэтому «радость обретенного спасения доступна лишь тому, кто погибал» (Архидиакон Роман, Тамберг).

«Неоткуда ждать помощи. Человек, спаси себя сам!» (А. Мень).

АННОТАЦИЯ

Я знаю, что вам давно хочется меня прервать и крикнуть: довольно гадостей.

З. Фрейд

«Цитата – высший авторитет» (А. Минкин). «Цитатами можно передать любую мысль, если у тебя достаточно цитат» (Д. Мюррей).

«Человек – бездна, что творится в этой бездне, неведомо даже ему самому» (И. Шевелев). «Чуть ли не все самое интересное в жизни происходит ниже пояса» (Д. Мортимер). «Как прекрасна презренная плоть, коль ее выбирает душа» (А. Болеславский).

«Любовь – это лотос, похоть – грязь, из которой вырастает лотос» (Ошо). «В исследовании похоти значение имеют не сами действия, а мысли, которые за ними стоят» (С. Блэкберн). «Мужское влюбление пугает» (Л. Толстой).

Сексуальность – голос промежности. «Анальный, уретральный – это эротические формы ненависти» (Р. Столлер). «Едва ли возможно преувеличить патогенное значение всеобъемлющей связи между сферами сексуального и экскрементального». «Я привез вам чуму» (З. Фрейд).

«Нельзя поверить, чтобы кто-нибудь делал это без ощущения греха» (В. Розанов). «Стыд – чувство существа высшего порядка» (Спид-инфо).

«Любовь – лишь маска желания, ложь, которой тешат себя люди, прикрывая собственную похоть» (П. Брюкнер). «Брак – это контракт, позволяющий супругам пользоваться гениталиями друг друга» (И. Кант). В то же время «любовь – главный способ бегства от одиночества» (Б. Рассел).

«Из всех размышлений самое важное – размышление о смерти» (Будда).
«Секс вполне стоит смерти». «Возможно когда-нибудь будет различная организация тел и наслаждений» (М. Фуко).

«Неужели все тщета, кроме этого самого неверного из удовольствий?»
(М. Меньшиков).